

СТАЛИНИЗМ И ГИТЛЕРИЗМ ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

ЛЮДМИЛА МЕРЦАЛОВА

ВОРОНЕЖ

Сталинизм и гитлеризм представляют собой наиболее яркие и одиозные проявления авторитаризма. Однако при конкретно-исторической исследовании обнаруживаются лишь некоторые общие черты, но отнюдь не полное совпадение этих систем. Автор останавливается лишь на некоторых аспектах широко обсуждаемого сходства гитлеризма и сталинизма (роли лидеров систем, внешнеполитическом курсе, идеологических установках, социально-экономической основе) и приходит к выводу о неправомерности отождествления этих систем и объединения их под термином «тоталитаризм».

Сталин и Гитлер дали имена наиболее антигуманным и безнравственным деспотиям в истории человечества. По справедливому суждению Р. Конквеста (США), главный урок XX века — «избегать новых гитлеров и сталиных»¹. Но для этого, по меньшей мере, нужно их знать. На Западе давно пытались изучить их, но делали это, как правило, в рамках сугубо идеологизированной доктрины «тоталитаризма» (от лат. *totaliter* — целиком, вполне). Ее создатели исходили из схемы «фашизм — гитлеризм — сталинизм — коммунизм». Второе равенство играло в ней лишь служебную роль — доказать существование некоего «коммунизмо-фашизма» («тоталитаризма»). Еще в 30-е годы советские обществоведы справедливо отвергли отождествление «фашизма и социализма». Но в условиях культа личности они, естественно, вопреки здравому смыслу, не принимали и любое сопоставление сталинизма и гитлеризма, понятие же «тоталитаризм» относили исключительно к фашизму, применяя его очень редко.

В последние годы термин «тоталитаризм», чаще всего в смысле «сталинизм», буквально ворвался в нашу литературу. Обществоведы и публицисты открыто антикоммунистической ориентации без каких-либо доказательств утверждают, что

Людмила Мерцалова — доктор исторических наук, доцент кафедры общественных наук Воронежского института искусств.

социализм и фашизм полностью совпадают. А. Пумпянский, например, поставил на одну доску «гитлеровский национал-социализм со сталинизмом-социализмом». Другие авторы, воспроизведя крайне консервативную трактовку доктрины, отвергают мысль о социализме как «разновидности тоталитаризма» и считают, что «социализм и тоталитаризм» — синонимы» (К. Любарский). И. Заславский, прибегая к ложному обобщению, призывает «идти единым фронтом против тоталитарной системы, которая во всем мире называется просто коммунизмом»². На самом деле почти во всем мире под «тоталитаризмом» понимают фашизм и социализм, подчас — сталинизм и близкие к нему режимы. Многие советские публицисты применяют этот термин, не понимая, какую антикоммунистическую нагрузку он несет. Последователи Сталина избегают таким образом понятие «сталинизм». Но немало и тех, кто совершенно искренне отождествляет гитлеризм и сталинизм, относя их к общей «тоталитарной модели» общественного устройства.

До сих пор научное знание о сталинизме и гитлеризме, и не только в нашей стране, было сковано соображениями идеологии и политики. Тем более было невозможно их сопоставление. Насколько же обоснованно при нынешнем уровне знаний считать эти режимы идентичными? И тот и другой, полагаю, представляют собой наиболее яркие и одиозные проявления авторитаризма. Это понятие уже в XIX в. означало насилие, подавление. Авторитарный — значит внушающий страх³. Исторический опыт свидетельствует о наивности представлений ряда авторов о некоем целесообразном и даже «прогрессивном» авторитаризме. По мнению Э. Фромма, существует убеждение в том, что «жизнь определяется силами, лежащими вне человека, вне его интересов и желаний». Человеку с таким авторитарным мышлением свойственно восхищение властью, силой, стремление подчинять или подчиняться. Существует не только внешнее принуждение, но и несвобода в самих людях. «Миллионы людей, — полагает Фромм, имея в виду Германию, — отказались от своей свободы с таким же пылом, с каким их отцы боролись за нее»⁴. В СССР авторитарные тенденции также возобладали на рубеже 20—30-х годов. Схема Фромма в той или иной мере объясняет одно важное обстоятельство. Однотипная и политическая, и идеологическая система — самовластье, крайний антидемократизм, культ вождя, террор и др., — возникла в СССР и Германии на различных экономических основах.

С учетом новейших достижений мировой историографии представляется целесообразным осуществить всесторонний сравнительный анализ гитлеризма и сталинизма: от конкретно-исторических условий их возникновения, характера собственности и специфики политических систем до международных отношений. Подобный анализ, естественно, не может быть произведен ни в рамках одной статьи, ни силами одного ученого. Он потребует еще многих и многих исследований. Сейчас же различные стороны сталинизма и гитлеризма осмыслены далеко не в одинаковой мере. Так, если сопротивление фашизму изучено более или менее полно, то о борьбе против сталинизма имеются пока лишь отдельные отрывочные сведения (материалы по этой проблеме в последнее время публиковались на страницах «Коммуниста» и других советских изданий). Тем не менее сопоставление имеющихся материалов позволяет высказать некоторые суждения об общих чертах режимов и их существенном различии.

Сходны некоторые предпосылки возникновения сталинизма и гитлеризма. Так, в обеих странах господствующий класс не обладал достаточной политической культурой, не сумел воспользоваться мировым опытом борьбы автократизма, не создал механизм противодействия ему. Это также обернулось неисчислимыми бедствиями народов. И в СССР, и в Германии после революции 1917 и 1918—1919 годов новый социальный строй, новый политический режим к моменту контрреволюционных переворотов Сталина и Гитлера не успел окрепнуть. В обеих странах незадолго до этих переворотов произошли, м. б., наиболее жестокие в их истории национальные потрясения.

Однако в целом предпосылки сталинизма и гитлеризма существенно отличаются друг от друга. Сталинизм сформировался в условиях разрушения капиталистических отношений, гитлеризм — на базе их укрепления; первый — на волне хозяйственного подъема, второй — на волне «великой депрессии», наиболее глубокого в истории мирового капитализма кризиса перепроизводства.

Нельзя принять воспроизведенное советским исследователем О. Ю. Ярцевой суждение о «люмпенстве» как «несущей силе тоталитаризма в период его формирования»⁵. Настроение «неприкаянных» использовали в своем движении к власти и Сталин, и Гитлер. Но маргинальные слои отнюдь не были определяющими. Сталин опирался на партийный и государственный аппарат, в первую очередь, карательные органы.

Он начал их готовить с начала 20-х годов. Гитлер же пришёл к власти в результате сделки с наиболее реакционными кругами в промышленности, гражданском и военном чиновничестве. Сталин и его группа установили автократию в условиях разгрома всех консервативных сил общества, воспользовавшись трудностями, неизбежными в период радикальных социальных изменений, жестоко расправившись со своими явными и мнимыми противниками в партии, с еще оставшейся в стране частью старой интеллигенции, уничтожив как класс крестьянство, нравственно разложив рабочий класс. Кто из представителей старых классов шел в колоннах Сталина и Гитлера? В СССР — лишь отдельные представители этих классов в качестве простых служащих личной деспотии, выдаваемой за диктатуру пролетариата. В Германии — все имущие классы и слои общества в качестве полноправных партнеров НСДАП. Малые исключения (конфликты Гитлера с одиночками из числа владельцев монополий, генералитета, дипломатов) лишь подтверждают правило. Выдвижение Н. А. Бердяевым «милитаризованной молодежи» как одной из главных особенностей «тоталитаризма»⁶, так же неприемлемо. Такая молодежь вошла в состав массовой базы сталинизма и фашизма, но не определяла их сущности. И здесь, и там она отнюдь не была у власти.

В формировании систем большую роль сыграли Сталин и Гитлер. Многие черты их характера совпадали (мания величия, презрение к людям и жестокость, лицемерие, подозрительность, низкая культура и некомпетентность, догматическое мышление). Может быть, наиболее ярко это проявилось в ходе второй мировой войны. Оба они возомнили себя великими полководцами, сосредоточили свою деятельность преимущественно на оперативном руководстве вооруженными силами. Это непрофессиональное вмешательство дорого обошлось обоим государствам, особенно СССР. Сталин и Гитлер отнюдь не были простым продуктом систем, пассивными детьми своего времени. Они активно действовали, создавая свои тирании, хотя результаты этого в СССР и Германии были далеко не одинаковыми. Сталин добился абсолютной власти. Власть же «фюрера» с начала до конца не представляла собой некоего монолита, она была ограничена влиянием старой и новой германской элиты в экономике, управлении страной, военном деле, дипломатии, культуре, науке и др. По оценке М. Брошата и Х. Моммзена (ФРГ), личность Гитлера не была единственным и исключительным

фактором в сложной политической и государственной системе⁷. Многие серьезные ученые на Западе разделяют мнение о «поликратической структуре государства» в Германии.

В какой степени допустимо называть два режима по имени Сталина и Гитлера? Первый действительно создал сталинизм, личный вклад второго был менее значительным. Не случайно попытки свести фашизм к гитлеризму на протяжении десятилетий неизменно оспариваются. Фигура Сталина одна возвышалась над всей государственно-партийной иерархией. Рядом же с Гитлером в 20—40-е годы были и другие реальные лидеры НСДАП. Фашистская система имела своих главных идеологов (Розенберг, Геббельс), экономических диктаторов (Геринг, Шпеер), дипломатов (Нейрат, Риббентроп), руководителей партийных вооруженных формирований (Рэм, с середины 30-х годов — Гиммлер) и т. д. У Гитлера был «преемник» (Геринг), заместители по партии (Гесс, с 1941 г. — Борман, обладающий огромной властью). В мировом общественном мнении различные сферы общественной жизни Германии органически связаны с именами этих деятелей, в СССР же все и вся — с именем Сталина. Едва ли кто из его окружения может быть назван его соратником. Все они были бессловесными исполнителями его воли, мало того, большая их часть была превращена в своеобразных заложников. Их близкие родственники были или арестованы, или убиты по приказу Сталина.

Вождизм в СССР и Германии развивался на противоположных социально-экономических основах. Если базу сталинизма составляла государственная собственность, то при фашизме сохранялись самые различные формы собственности — крупная, средняя и мелкая частно-капиталистическая, акционерная, государственная. Фашизм опирался на неразрушенную капиталистическую экономику. Он сохранил буржуазию (монополистическую и немонополистическую), ремесленников, крестьян, рабочих. Часть историков отстаивает тезис о «хозяйстве под принуждением» как в СССР, так и в Германии. На самом деле степень огосударствления экономической жизни в Германии была намного ниже, чем в СССР⁸. Формула «под принуждением» справедлива в Германии относительно иностранных рабочих, во много меньшей степени — местных. Партнеры же НСДАП из предпринимателей в городе и деревне известное государственное регулирование не воспринимали как «принуждение» ни по форме, ни по существу. По оценке специалистов из ФРГ, в Германии был

найден в основном «правильный синтез частной инициативы и государственного руководства»⁹. В этом свете представляется по меньшей мере неглубоким суждение советского публициста П. Карпа: «Если бы Гитлер победил, наш общественный строй был бы, конечно, перекрашен, но отнюдь не изменен»¹⁰.

Нельзя утверждать, что Сталин создал некую разновидность государственно-монополистического капитализма¹¹. Скорее всего, это был своеобразный государственный феодализм. Экономика страны находилась в руках чиновников, назначаемых диктатором. В этих условиях в отличие от капитализма мало кто был заинтересован в ее интенсивном развитии. Сталинизм с его патриархальными методами хозяйствования, широким использованием примитивных форм труда, при полном пренебрежении к человеку — от наркома до рядового рабочего и колхозника — мог существовать лишь в стране с огромным людским и материальным потенциалом. В деревне был создан новый пролетариат, полностью зависимый от тиранического государства.

Сторонники тезиса о «тоталитаризме» как форме модернизации, не учитывают, что на рубеже 20—30-х годов СССР и Германия нуждались в совершенно различных «модернизациях»¹². В первом случае это была индустриализация, во втором — переход к регулируемой рыночной экономике, которая позволит впоследствии капиталистическому миру избежать губительных кризисов. Эти авторы не учитывают также громадную цену, которую заплатили за это «обновление» народы СССР и Германии. Сталинистская индустриализация (кстати, так и не завершенная) осуществлялась, в частности, за счет гибели миллионов крестьян, хищнического расходования природных ресурсов, гитлеровская же «модернизация» — это, в конечном счете, вторая мировая война.

Обратимся теперь к вопросам внешнеполитического курса двух стран. На первый взгляд, внешняя политика сталинизма во многом напоминала соответствующий курс гитлеризма. Действительно, те же претензии на руководство миром, в той или иной мере — имперские устремления, та же милитаризация общественной жизни, упование на войну (в варианте сталинизма — надежда на развитие мировой революции в случае новой войны), презрение к пацифизму.

Однако различия и в этом пункте весьма существенны. Ряд обществоведов разрабатывают «базовые характеристики» режимов вне связи с их внешней политикой. Это представ-

ляется грубо ошибочным, особенно в свете новейших западногерманских исследований, показавших, что в 1933—1945 годы очень многое в жизни Германии определялось именно внешней политикой. Внешняя же политика в функционировании сталинизма носила подчиненный характер. Сталинизм — это самоизоляция СССР на международной арене. Главная забота — выжить в условиях капиталистического окружения. Этим целям была в значительной степени подчинена индустриализация. По крайней мере, этим оправдывались сверхбыстрые темпы и сверхжестокие средства ее осуществления. Сам диктатор на дипломатической арене длительное время оставался в тени. Милитаристские свойства сталинизма не афишировались, и дело не только в том, что «вождь» считал свой режим еще недостаточно сильным. Сказывалось то обстоятельство, что Сталин изображал себя последователем учения, суть которого составлял антимилитаризм. Не только внешне — в пропаганде, но и по существу дипломатия СССР продолжала традиционную линию большевиков, решительно осудивших первую мировую войну. По мнению Л. Люкса (ФРГ), это во многом определило их триумф¹³. Советская дипломатия была относительно гибкой, осторожной. Имперские тенденции стали проявляться в ней лишь начиная с 1939—1940 годов. Именно в это время Сталин вышел на авансцену внешней политики. Но речь не шла о безграничном расширении территорий, что было свойственно гитлеризму. Идею мировой революции Сталин никогда не упускал из вида, что проявилось, в частности, в его призывах преодолеть капиталистическое окружение. Однако эта идея никогда не была приоритетной в конкретной внешнеполитической деятельности Сталина и его группы.

Гитлеризм же открыто заявил о своем стремлении к мировому господству избранной германской расы. Заметим вскользь, что фашисты никогда не обещали «царства справедливости в глобальном масштабе», как полагают некоторые авторы, стремясь обосновать доктрину «тоталитаризма»¹⁴. Такое «царство» они обещали лишь немцам! Заявления Гитлера и других лидеров НСДАП подтвердились их реальными делами в ходе второй мировой войны. Новые разоблачения сталинизма не изменили старого вывода: гитлеризм был главным виновником войны. Она была необходимым условием его существования. Ныне наука не располагает данными, которые позволили бы распространить такой вывод и на сталинизм.

Национализм в тех или иных формах и масштабах свойствен и сталинизму, и гитлеризму. Но в данном случае различия также весьма велики. Первый открыто не проповедовал в массах расовую и национальную нетерпимость, хотя его приверженцы никогда не были последовательными марксистами в национальном вопросе. Сталинской диктатуре были свойственны не только пренебрежение к национальным чувствам и интересам, но и национальный нигилизм, противопоставление одних народов другим. С конца 30-х имели место наиболее грубые проявления национализма, в первую очередь депортации целых народов. Но все это в условиях закрытого режима прикрывалось официальной пропагандой. Дружба и равноправие советских народов, их интернационализм были признаны в качестве высшей добродетели. Эти ценности на самом деле были восприняты многими, что позволяло режиму скрывать свою сущность.

Гитлеризм же открыто объявил расизм и, в частности, антисемитизм, своей идеологией и программой. Для него было характерно демонстративное равнодушие к «чужой» жизни и крови. Именно гитлеризм повинен в геноциде, т. е. истреблении групп населения по расовым или национальным признакам. В первую очередь эта политика была направлена против евреев, цыган, несколько в меньшей степени — против славянских народов. Развязывание второй мировой войны в целом — это главное дело гитлеризма — его апологеты пытались оправдать с помощью расизма. Гитлеризм был наиболее крайним выражением национализма в истории человечества.

И сталинизм, и гитлеризм в высшей степени аморальны и противоправны. В этом случае едва ли есть основания говорить о каких-либо существенных различиях. Там и там — массовый террор, политические убийства; концентрационные лагеря. Примечательны совпадения отдельных акций Гитлера и Сталина во времени и сути, например, репрессивные меры против оппозиционных течений в ВКП(б) и НСДАП; преследования родственников «врагов народа» (в фашистском варианте: «врагов нации»); варварские приказы по армиям удерживать фронты в 1941—1945 годы «любой ценой». Но преступления сталинизма были направлены главным образом против «собственного» народа, преступления же гитлеризма — главным образом против лиц немецких национальностей. По различным оценкам, по политическим мотивам Гитлер уничтожил несколько десятков тысяч немцев, Сталин

5кё — многие миллионы советских граждан¹⁵. Может быть, наиболее ярко это проявилось в отношении к военнопленным. Сталин и его окружение стремились соблюсти, по крайней мере, внешне, общепринятые правила содержания чужих военнопленных. В то же время в отношении военнослужащих Красной Армии, возвратившихся из фашистского плена, они поступали вопреки законам и обычаям войны. Гитлер же и его приближенные сознательно истребили в 1941 г. несколько миллионов красноармейцев, попавших в их руки. Но к военнослужащим вермахта, возвращавшимся из советского плена, относились сравнительно терпимо. Преступления против пленных со стороны красноармейцев были спорадическими, представляли собой ответную реакцию отдельных недисциплинированных лиц на злодеяния фашистов в СССР. Аналогичные же преступления со стороны вермахта носили массовый характер. Фактически они были организованы властями.

Масштабы зверств сталинизма против «своих» многократно превосходят масштабы соответствующих злодеяний гитлеризма. Но сталинизм тщательно скрывал свои акции. Не случайно, вплоть до последних лет многие люди в СССР и на Западе полагали, что размах гитлеровских преступлений неизмеримо больше. Жертвами сталинизма пали миллионы советских граждан независимо от социальной, национальной, партийной принадлежности, прогрессивные люди других стран, оказавшиеся в сфере досягаемости Сталина. В советской прессе отмечалось, что он истребил больше коммунистов, чем Гитлер, Муссолини, Франко и Салазар, вместе взятые¹⁶. С другой стороны, на счет Сталина нельзя отнести ничего, что могло бы сравниться с фашистским геноцидом. При сталинизме не шла речь о поголовном истреблении каких-либо народов или классов — дворянства, буржуазии, крестьянства. Оставались «буржуазные» специалисты, в том числе офицеры, большевики дворянского или буржуазного происхождения. Убийство же евреев фашистами не было социально дифференцировано. Приговор выносился независимо от классовой, политической принадлежности, возраста и пола.

Обе разновидности вождизма придавали особое значение идеологии и пропаганде. Они отличались исключительной лживостью. Разрыв между словом и делом был одним из главных свойств обоих режимов. И тот и другой выступали под чужим революционным и социалистическим флагом.

В идеологии и пропаганде большое место занимали образ «врага», психология «осажденной крепости». Любое инакомыслие рассматривалось как зло, подлежащее устранению. И Сталин, и Гитлер не раз оказывались жертвами собственной пропаганды. Может быть, наиболее ярко это проявилось в грубейших военно-политических просчетах — многочисленных ошибочных оценках Сталиным и его советниками Молотовым, Тимошенко, Жуковым возможностей и намерений противника накануне и в ходе мировой войны.

Совпадали многие приемы идеологической и пропагандистской деятельности. Таково сожжение книг, неугодных диктаторам (хотя при Сталине не устраивали костров из книг на городских площадях, но тайное их уничтожение осуществлялось не менее последовательно). Общим являлось волюнтаристское вмешательство в искусство, что пресекало его органическое саморазвитие. Оно было превращено в простой придаток пропаганды. Это не означало, однако, полного совпадения «реализма социалистического и национал-социалистического», как утверждают некоторые авторы. В официальной политике по отношению к искусству и художественной литературе и в СССР (в конце 20 — начале 50-х годов), и в фашистской Германии на самом деле прослеживаются общие тенденции. Но были и особенности. Сказывалась специфика национальных традиций, эстетических идеалов. Различными были результаты.

И в области идеологии режимы далеко не тождественны. Культ вождя в Германии не приобрел такого размаха и глубины, не принял таких уродливых форм, как в СССР. Приверженцы доктрины «тоталитаризма» утверждают, что «жесткий классовый подход... является основополагающим принципом любой тоталитарной идеологии»¹⁷. В действительности можно говорить, как об общей черте, лишь о пропаганде исключительности, расовой или классовой. Но это вовсе не одно и то же. Это различие выходило далеко за рамки пропаганды. Провозглашенный Гитлером принцип «народной общности» позволил, хотя и во имя сугубо несправедливых целей, сплотить немцев. Не этим ли в значительной степени и объяснялись, например, военная стойкость вермахта, слабое сопротивление фашизму в Германии по сравнению с антифашистскими движениями в других странах? Принцип консолидации немцев продолжал действовать в послевоенной Германии и после устранения фашистской идеологии. Основой же внешней и внутренней политики

Сталина был принцип непрерывного и прогрессирующего «обострения классово́й борьбы». С помощью этого принципа, грубо противоречившего марксизму-ленинизму, не только оправдывали, но и поощряли истребление миллионов людей внутри страны, что чрезвычайно ослабило ее накануне войны. В плане внешнеполитическом этот вреднейший принцип привел к тому, что к моменту нападения армий фашистского блока СССР оставался без союзников.

В зарубежной и недавно возникшей отечественной открыто антимарксистской литературе распространено догматическое представление о том, будто бы для сталинизма характерен принцип «ничего, кроме коммунизма», для гитлеризма — «все, кроме коммунизма»¹⁸. Этот тезис связан с ложным утверждением о «коммунизме Сталина». Вторая посылка — об «антикоммунизме Гитлера» также несостоятельна. Это полуправда. В идеологии и практике гитлеризма далеко не всегда и далеко не все определял антикоммунизм. Таковы глобальный (но не только антисоветский!) характер его завоевательной программы, его антисемитизм. В войне против СССР Гитлер преследовал в первую очередь захватнические, а не идеологические цели. Упомянутый тезис выдвинут самой сталинской и гитлеровской пропагандой, хотя Сталин и Гитлер нередко отступали от своих «священных постулатов», например, при заключении пакта 23 августа 1939 г.

По мнению ряда авторов, «тоталитарные идеологии... отрицают прошлое». Но это утверждение не может быть отнесено к германскому фашизму: Гитлер и его идеологи, напротив, широко использовали историю в целях обоснования своего господства и политической программы¹⁹. В отличие от Сталина и его группы они весьма дифференцированно относились к памятникам старины. Утверждают, что при «тоталитарных режимах» были сломлены семья, религия, искусство, наука, культура в целом. Это суждение также неверно. Фашисты, в отличие от Сталина, проводили весьма осторожную и гибкую политику в отношении церкви. Семью же они вообще не собирались уничтожать. Наоборот, был принят ряд законодательных и иных мер в защиту «немецкой семьи».

Эклектичная идеология гитлеризма апеллировала и к патриархальным традициям, и к модернизация, что позволяло привлечь самые различные слои населения от безработных до владельцев монополий. Гитлеризм отличался большим единством идеологии и политики. Он был несравненно более прагматичным, чем сталинизм. Нельзя согласиться с некото-

рыми ранними исследователями германского фашизма, считавших его «революцией нигилизма»²⁰. Он далеко не все отрицал, стремясь утилизировать все, что могло оказаться полезным режиму. Гитлер уничтожал лиц, лишь действительно опасных для его господства. Он лишь смещал с постов (но не уничтожал), например, неугодных ему генералов. При этом нередко впоследствии он ставил их на еще более высокие посты. Гитлер широко использовал зарубежных немцев, эксплуатируя их патриотизм. Сталин же объявил вне закона не только все российское зарубежье, но и тех советских граждан, которые имели родственников за границей. Весьма часто он разрушал разумное, пытаясь заменить его нелепым, ненужным, вредным. Он создавал «собственные законы», пытаясь сформировать нежизнеспособные экономические и иные структуры. Мы видим, что различия режимов в области идеологии, основных ее посылок, роли во всех сферах общественной жизни, степени ее единства с политикой, уровнях идеологизации обществ в целом весьма существенны.

Непопулярность войны в глазах населения Германии, опасение перед новой революцией вынуждали гитлеровцев постоянно учитывать интересы рабочего класса, крестьянства, мелкого чиновничества. Этим, в частности, объясняется их Достаточно сильная социальная политика. В фашистской Германии, вопреки мнению ряда германистов, по существу сохранялось право на забастовки и на самом деле был ряд эффективных забастовок. Были случаи привлечения к ответственности отдельных предпринимателей за их отступление от кодекса «народной общности». Права немецких рабочих при фашизме, несомненно, были урезаны, до войны в 1933—1939 годы уровень их жизни был ниже по сравнению с рабочими, например, США, однако значительно выше уровня жизни трудящихся при сталинском режиме. Показательно, что военная доля валовой продукции германской промышленности составляла в 1940 г. менее 15%, в 1941 г. — 19%, в 1942 г. — 26%, в 1943 г. — 38%, в 1944 г. — 50%²¹. Во время же войны благосостояние населения Германии было более высоким по сравнению с большинством воюющих государств. Прагматизм гитлеровского режима проявлялся и в другом. Традиционная юриспруденция была сильно деформирована, сфера ее действия сужена. Но она не была уничтожена. Так, при университете в Лейпциге функционировал институт трудового права. Нам неизвестны случаи, когда какие-либо крупные государственные акции Сталину отменялись под давлением общест-

венного мнения. В Германии же подобные прецеденты были, такова — отмена известной эвтаназии.

В литературе поставлен вопрос о взаимопроникновении и взаимодействии сталинизма и фашизма. Некоторые авторы выдвинули не подтвержденное фактами мнение о Гитлере как ученике и последователе Сталина²². Другие находят совпадение тактик Сталина и Гитлера, в частности, в методах подавления оппозиции; указывают на совместные меры сталинской и гитлеровской секретных служб, тайные контакты советской и германской дипломатии, советско-германские договоры 1939 г., основанные на них экономические отношения²³. Все это, однако, не представляло некоей единой устойчивой линии. Во всяком случае доступные источники не позволяют говорить о существовании каких-либо особых отношений между СССР и Германией, свойственных будто бы лишь дипломатии «тоталитарных» диктаторов.

Представляет интерес вопрос о долговечности обоих режимов, их влиянии на последующее развитие СССР, Германии и других стран. Почему идейные преемники гитлеризма занимают в жизни Германии после 1945 г. лишь незначительное место, а в СССР преемники Сталина вплоть до 1985 г. занимали господствующие позиции, и последствия сталинизма до сих пор полностью не преодолены; почему этот процесс проходит в СССР труднее, чем в Германии?

Отвечая на этот вопрос, нельзя не учитывать существенных различий сталинизма и гитлеризма. Главное зло первого из них олицетворялось в его внутренней политике. Лишь после войны он оказал вредное воздействие на ряд стран, составивших так называемый «социалистический лагерь» (позднее — «социалистическую систему»). Это зло Сталину и его группе, как правило, удавалось скрывать. Преступная же сущность гитлеризма реализовывалась главным образом во внешней политике, при этом наиболее жестокими методами. О ее маскировке гитлеровцы заботились значительно меньше. Далее. Огромную роль сыграл исход войны. В условиях полной дискредитации гитлеризма в глазах мирового, в том числе и немецкого, общественного мнения перед господствующими кругами ФРГ не было иного пути, как курс на преодоление порочного прошлого. Наоборот, военный разгром фашизма при решающем вкладе СССР не только реабилитировал сталинизм, но и небывало поднял его авторитет.

Наряду с этим гитлеризм не пустил таких глубоких корней, не оказал такого разрушительного воздействия на об-

шество, как сталинизм. Гитлеризм, порожденный империализмом, никогда не посягал на устои буржуазного строя и в конечном счете, несмотря на поражение 1945 г., способствовал укреплению в Германии (ФРГ) государственно-монополистического капитализма²⁴. В фашистской Германии удалось создать более эффективную структуру промышленного и сельскохозяйственного производства, в основном отвечавшую чрезвычайным условиям войны. Социальное партнерство, будучи освобожденным от фашистской идеологии, также послужило впоследствии позитивным изменениям в ФРГ. Несмотря на громадные потери, используя неразрушенные экономические и социальные структуры и благоприятные внешние условия, руководство ФРГ сумело обеспечить поступательное развитие страны, ее интеграцию в мировое капиталистическое хозяйство. Она осталось в числе самых мощных держав мира и на современном этапе развития капитализма.

С другой стороны, сталинизм возник в начале переходного периода, когда старая система отношений была разрушена, новая еще не создана. Спекулируя идеей социалистического строительства, он нанес делу социализма громадный ущерб. Сталинизм возродил в стране традиции раннего капитализма и даже феодализма, изолировал ее от развития мировой цивилизации. Экономическое развитие СССР сопровождалось громадным и неумным расходом людских сил и материальных средств. Победа 1945 г. вследствие некомпетентного и безнравственного руководства со стороны Сталина также была оплачена непомерно высокой ценой, что оказало пагубное воздействие на последующее развитие советского общества²⁵. В течение многих лет Советский Союз продолжал идти по ложному пути. Длительное сохранение в СССР сталинистской системы стало возможным также вследствие геополитического положения страны на евразийском материке.

Итак, знакомство со сталинизмом и гитлеризмом даже в первом приближении показывает лишь некоторые общие черты, но отнюдь не полное совпадение этих систем. Их расхождения настолько значительны, что о «тоталитаризме» может идти речь лишь как об идеологеме, но не о реальном явлении. Созданная антикоммунистами сугубо спекулятивная схема «тоталитаризма» буквально рассыпается при конкретно-историческом исследовании. Адепты этой доктрины оказываются ныне запоздалыми жертвами псевдосоциалистической пропаганды сталинизма и гитлеризма. Как эта пропаганда,

так и названная доктрина лишь сковывают деятельность ученых, заслоняя от них предмет исследования, побуждая исходить из тождества фашизма и социализма.

1. Новое время. 1990. № 30. С. 15.
2. Сов. Россия. 1989. 10 сент.; Новое время. 1990. № 52. С. 44—48; Русский курьер. 1990. Июль. Пробный номер. Наблюдается также стремление ряда авторов непомерно расширить сущность сталинизма и его географию (см., например: «Сталинизм как всемирно-историческое явление» // Наука в Сибири. 1990. № 46)
3. См., например: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 305.
4. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 14, 141—147.
5. Цит. по: Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 87.
6. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 120.
7. См., например: *Broszat M. Der Staat Hitlers, Munchen. 1969; Sowjetsystem und Demokratische Gesellschaft. 1971. N4 495-713.*
8. Ср.; Новое время. 1990. № 1. С. 41.
9. Итоги второй мировой войны. М., 1957. С. 360-361.
10. Книжн. обозрение. 1990. № 38. С. 10.
11. См.: Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 120; Криворотов В. Русский путь // Знамя. 1990. № 8. С. 162.
12. См., например, статью Л. Б. Волкова в кн.: Тоталитаризм как исторический феномен.
13. *Geschichte und Gesellschaft. 1988. N. 1. S. 96-116.*
14. См., например: Международная жизнь. 1990. № 9. С. 39.
15. См., например: Новое время. 1990. № 43. С. 42.
16. За рубежом. 1988. № 47. С. 17; Эхо планеты, 1989. № 18. С. 26.,
17. Цит. по: Тоталитаризм как исторический феномен. С. 56.
18. Там же. С. 29.
19. Подробнее см.: *Schmeier F. Das Nationalsozialistische Geschichtsbild und der Geschichtsunterricht 1933-1945. Munchen. 1969.*
20. *Rauschnig H. The Revolution of Nihilism. N.-Y. 1939.*
21. Итоги второй мировой войны. С. 364.
22. См.: Правда. 1989. 18 дек.
23. Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 143; № 5. С. 28—39; Вопр. истории. 1990. № 4. С. 40—53.
24. Подробнее см.: Коммунист. 1990. № 13. С. 25.
25. Подробнее см.: Коммунист. 1990. № 5. С. 56—63.